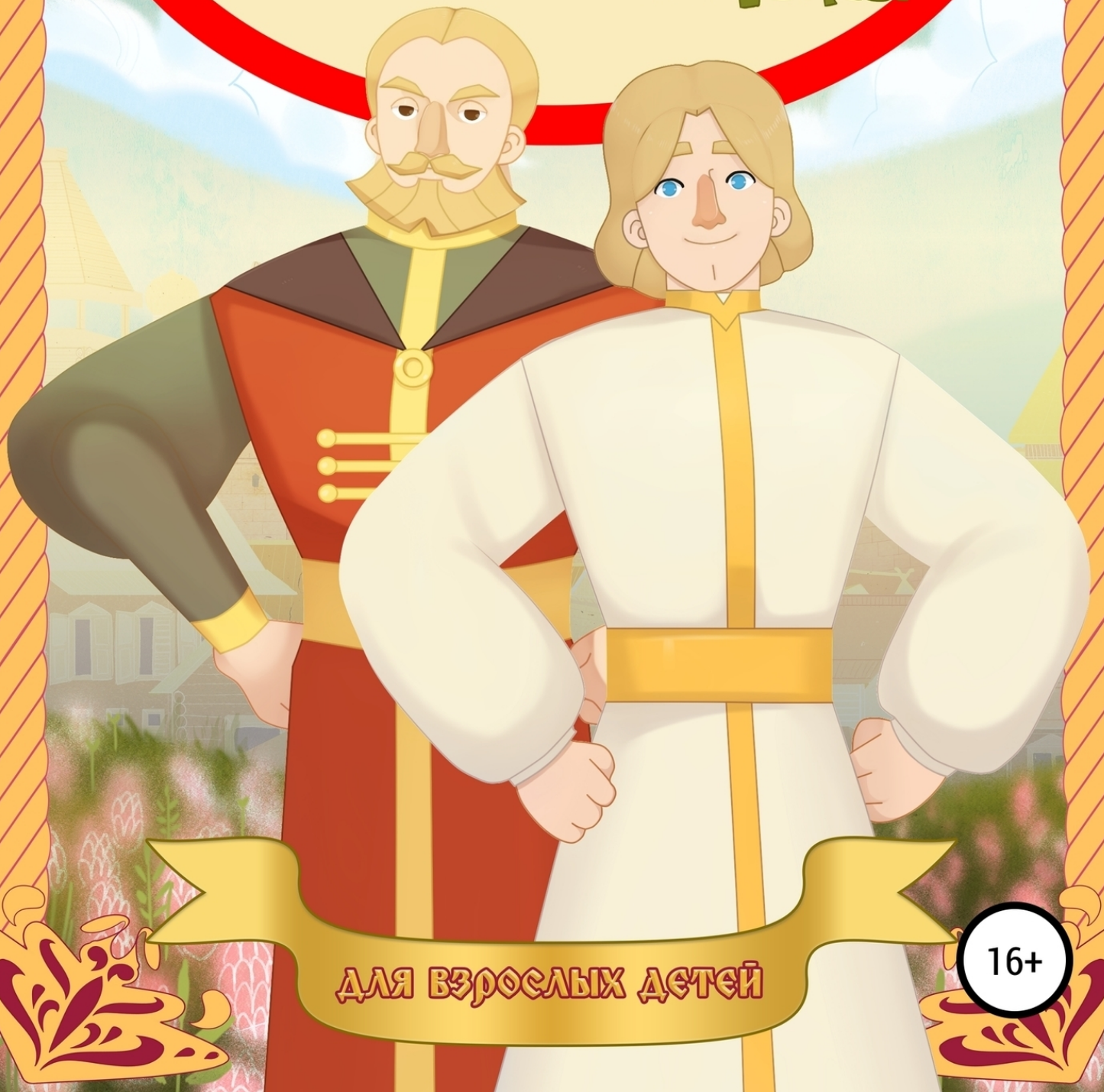

Эдгард Зайцев

Сказка

Про

ФЕДОТА-ИДИОТА
И ИВАНА-ДУРАКА

ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ ДЕТЕЙ

16+

Эдгард Зайцев

**Сказка про Федота-
Идиота и Ивана-Дурака**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Зайцев Э.

Сказка про Федота-Идиота и Ивана-Дурака / Э. Зайцев —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Бывают ли сказки для взрослых? Да! #Читать себе сказку - это повод вспомнить, что самым великим исследователем является ребёнок! Только ребёнок так пытлив, так внимателен, так остро восприимчив к добру и злу, правде и лжи, вере и неверию. Ребёнок внутри вас всегда жаждет нового. Ребёнку всё-всё интересно! Я представляю вам свою новую книгу - это сказка для взрослых детей. Сказка про Федота-идиота и Ивана-дурака. Это сказка о жизни и выживании, о любви к себе и поиске похвалы, о принятии мира таким, каков он есть, и боязни, что «не получится». Куда заводит путь идиота, который постоянно бежит от себя? И к чему приводит путь дурака, который, по-своему определению, мир видит многомерно, стоит около света, солнца, Бога? Читайте сказку. Узнавайте себя. Осмысливайте. Осознавайте. И просто наслаждайтесь - смейтесь, удивляйтесь вместе с героями. Смакуйте чудесный, настоящий, вкусный русский язык, которым написана эта сказка. #Доставьте себе это удовольствие!

Содержание

От автора	5
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	17
Глава четвёртая	20
Часть вторая	23
Глава пятая	23
Глава шестая	27
Глава седьмая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

*Посвящаю
Марине – моей любимой жене, Богородице, самой прекрасной
Женщине в мире
и моим детям:
Семену
Владиславе
Арине
будьте счастливы любимые!*

От автора

Вы знаете, я очень хотел написать сказки.

По мере того как писались другие мои книги, желание выпустить именно сказки только росло и крепло. Ведь сказка – это тот язык, который безусловно понимают абсолютно все – и дети, и взрослые. Дети на сказках учатся. А взрослые?..

Взрослые – тоже учатся. Потому что через сказку Взрослый разговаривает со своим Божественным, со своим Внутренним Ребенком.

Я верю, что когда ваш Внутренний Ребенок услышит эту сказку, ему станет чуточку теплее. И вы проснетесь следующим утром и, открыв свои божественные глаза, взглянете на этот мир с чуть большим доверием. Примерно так, как смотрит на мир Иван, прозванный дураком... И мир улыбнется вам.

Эта сказка родилась в беседах с Юрием Николаевым, членом Союза писателей. Мы придумали героев, их образы и характеры, а потом пустили их в приключения, которые Юра описал самым волшебным и сказочным русским языком. Надеюсь, эти истории вам понравятся!

* * *

Эй, народ честной, стар и млад, хмур и весел, честен и лукав, словом, все, кто жив ещё надеждою, любовью и верой, да не погряз в невежестве своём, слушайте!.. Слушайте да внимайте, ибо речь пойдёт о нас грешных, и только не говорите, что это не про вас, не о вас, не о ваших думках потаённых, проказах нелепых и грешках обыденных, но возрадуйтесь, коли себя узреть сумеете в поступках достойных вздоху счастливому да хвалы Божьей...

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Царь. Наречён монарх при рождении был Пантелеймоном. И было у Царя два сына, два брата-царевича – Иван да Федот.

Федот – сын старшой, был двадцати трёх лет от роду, крепко сбитый молодец, собою видный да умом не обиженный.

Иван – младшенький, осьмнадцати годков, весёлый да улыбочивый, озорной в меру и расторопный не по годам.

Так получилось, что восемнадцать лет тому назад осиротели братья: почил преждевременно матушка их – Царица и оставила она мир сей бранный в муках родовых, являя на свет божий царевича Ивана.

Царь в безутешности своей погоревал-погоревал, да смирился. А вот Федот злобу лютую затаил на брата: гоже ли матушку на тот свет спровадил, да совестью не мается, не молится еженощно, не отбивает поклоны в мучениях душевных.

А что же Иван?

А Иван ничтоже сумняшеся мысленно простил себя уже давно, ибо сказано ему было: пришёл ты в мир, чтобы жить-поживать, себя, да людей радовать!

Сказала сии слова мудрые нянька старая – Пелагея Елисеевна. Воспитывала она Ивана с пелёнок и многое дала ему, став и мамкой, и духовницей, и другом верным. Сызмальства перенял от неё Иван то, до чего некоторые полжизни доходят, был рассудителен, едва говорить научившись, и задумчив – не чета брату. Но вместе с тем был беззаботен и лёгок на подъём.

А вот у братца в няньках был дядька Гордей – отставной денщик царский: усатый балагур, пропахший табаком, прямой в выражениях своих и хитрый бестия – как старый лис.

Так и росли братья, один – под покровительством старого, умудрённого житейским опытом, солдата – важный, благовоспитанный, а другой – держась за подол старой няньки – озорник, непослушник, любопытный и охочий до всего.

Царю, если честно, было не до наследников. То охота, то дела государственные, а то и войнушка какая. Иван да Федот не росли как в поле трава, за ними приглядывали, кормили досыта, забавляли, чем могли – поэтому Государь жил с лёгким сердцем, сыновья были как у Христа за пазухой.

Бывало, выйдет Царь на крыльцо: корона набекрень, вместо скипетра в руках морковка али кочерыжка капустная, стоит, хрустит, окрест оглядывает, да думку какую думает. Потом подзовёт к себе юношей своих, да и спросит: как, мол, соколики, жизнь молодецкая?!

– Молитвами вашими, батюшка, – отвечает Федот, – намедни ворона в макушку клюнула, да крестьянская корова пониже спины лягнула, а так вроде ничего!

– А у тебя, Ивашка, чего?! – любопытствует Царь.

– Всё хорошо, батюшка, – улыбается младшенький, – я просто живу! А ещё мужики вот такенного сома в пруду поймали, а у кучера двойня родилась!..

Так и жили.

Часть первая

Глава первая

Не отвергни меня во время старости; когда будет оскудевать сила моя, не оставь меня.

Псалтирь 70.9

Как бы оно было дальше – одному Богу известно. Возможно и доживал бы Царь-батюшка в делах своих царских до конца дней, горя не зная. И сыновья росли бы, не ведая печали, гуляя по полям ромашковым с девицами красными, рыбача и в лапту играя с простым людом.

Да только оказия приключилась вдруг в час неурочный, чего и не ожидал никто, даже сам Его Величество. Влюбился Царь! Влюбился как мальчишка, как отрок бестолковый, как в первый раз! До одурения, до бессонных ночей, до тоски вселенской в душе.

Было Государю на тот момент годков-то уже почти шесть десятков, да знамо дело – любви все возрасты покорны.

Поехать ему пришлось как-то по делам шибко важным в соседское царство-государство: распри чинить соседи надумали, охальничать да озорничать на границе. Не особо доверяя дипломатам своим, решил Государь самолично нагрянуть во владения соседские, дабы уличить их грозно в нарушении норм да отношений договорённых.

По приезду провели гостя во дворец к Царю тамошнему, усадили за стол с яствами и угощать стали. Такими гостеприимными вражины оказались, что у Царя и запал пропадать начал, и речи свои гневные заготовленные растворялись в голове стали, как воск в купели.

А тут и правитель тамошний вышел – Царь Банифаций. Со стражниками, с дипломатами своими, и с прочей челядью.

Да только не замечал их гость. Рядом с Банифацием узрел наш Царь-батюшка девицу красоты неопишущей. Шла она очи потупив, тонкими пальцами ожерелье перебирая, ступая мягко и с достоинством, как и подобает монаршей наследнице.

Покраснел Царь до кончиков короны, засмутился, да так засуетился, что и забыл – зачем визит нанёс.

– Ну, здорово, соседка, зачем пожаловал?! – спрашивает Банифаций подобострастно.

– И вам не хворать! – отвечает Царь Пантелеймон, а самого уж от волнения колотить начинает так, что держаться сил нет, все дерзкие слова, заранее приготовленные, улетучились, нелепыми показались и неуместными.

– Вот, мимо проезжал, да решил навестить, у старого друга погостить!

Банифаций бровью повёл настороженно, хмыкнул. Друзьями-то они сроду небыли. И предки их вечно враждовали. А тут на тебе – «старого друга»!

– Лукавишь, Пантелеймонушка, – говорит Банифаций с усмешкою ехидной, – ой, лукавишь!

– Отчего ж такое недоверие, соседка? – через силу улыбается Пантелеймон, – годы идут, мы меняемся, переосмысливаем жизнь нашу грешную... Я вот как-то сидел, думку думал, и смурно мне вдруг стало – сколько мы времени на тяжбы да ссоры всякие тратим! Вместо того, что радовать друг друга общением добрым и подарками всякими.

Говорит он так, а сам с юной девы глаз не сводит. А та мельком на него взглянула, да лишь зевнула в ладошку.

– И то правда, – соглашается Банифаций, – чего ссориться?! Жить с соседом не в ладу, все равно, что быть в аду. Вот только мою Клеверную пустошь отдай, что на границе нашей, и за мировую сядем!

– Побойся Бога! – возмущается Пантелеймон, – Клеверная пустошь всегда нашей была, её ещё мой дед у твоего в карты выиграл!

– Жулик был твой дед, поэтому и выиграл! – железным голосом отвечает Банифаций.

И тут красна девица как засмеётся. Видно забавными ей показались слова сии. А смех у неё такой озорной, звонкий, такой по-детски искренний, что все вокруг сразу улыбаться начали.

У Пантелеймона аж дыхание перехватило. Впился он взглядом в лицо девицы, в щёчки её румяные, в ямочки на этих щёчках, в уста сахарные – глаз оторвать не может.

А Банифаций заметил это и говорит миролюбиво:

– Вот, знакомься – дочь моя, наследница Агнессы!

Наследница глазками на гостя стрельнула и снова взор потупила. А ямочки на щёчках и цвет их розовый так и остались.

Пантелеймон задышал тяжело, закашлялся, пятернёй грудины почесал и вдруг говорит:

– Да Бог с ней, с Пустошью Клеверной, Банифацуска! Что ни говори, а худой мир лучше доброй ссоры! Забирай её себе, от меня разве ж убудет?

Банифаций очи прищурил, голову набок склонил и смотрит с недоверием на Пантелеймона – аль разыгрывает?! Али задумал чего?! Потом по сторонам посмотрел и одним движением руки приказал удалиться всем. Принцесса тоже покорно вышла следом за приближёнными.

А как одни они остались, подошёл Банифаций к гостю и спрашивает прямо:

– А что за Пустошь потребуешь? Я же чувствую, что не просто так ты на попятную пошёл! Мы же целый век за неё бьёмся, а ты в одну минуту – раз и нате, забирайте!

Вздыхнул Пантелеймон глубоко, собрался с духом и говорит:

– Правда твоя, сосед, жалко Пустошь, да я сейчас в таких чувствах смятенных, что и весь мир готов отдать, и всё на свете!

Напрягся Банифаций, нахмурился.

– Говори!

– Люба мне дочь твоя, Банифацуска! Вон какая красавица выросла! Она как вошла, я чуть речи не лишился, сердце из груди выскакивает! Даже не знал, не ведал, что так бывает. И по молодости такое не чувствовал, а тут – на тебе! В общем, влюбился я, Банифаций! Отдай мне в жёны Агнессу! Я тебе не только Клеверную пустошь, я тебе в придачу три табуна коней самых лучших подарю и золотую карету!

– Побойся Бога, Пантелеймон! Развалина ты старая! На исходе лет рехнулся что ли! Тебе сколько годков-то?! Моя наследница только жить начинает, чиста и непорочна, к чему мне её замуж отдавать за невесть кого, когда там уже очередь выстраивается из принцев заморских! Через год, как восемнадцать ей исполнится – отдам её замуж за самого достойного!

Сказал он так, отвернулся и добавил вполголоса:

– А Клеверную Пустошь я у тебя и так отберу!

– Накося выкуси! – вспылил Пантелеймон, а потом уже поспокойнее: – Послушай, Банифаций, я – самый достойный, поскольку царством-государством владею! Я твою дочь своей женой, царицей сделаю, всё по закону! Подумай! Мы же по-родственному и объединить свои государства можем, это ж, представляешь, какие возможности?! Тебе какая разница за кого её отдавать?!

– Иди с Богом, сосед! Уходи, по-хорошему прошу, не доводи до греха! – Не видать тебе Агнессы моей! В зеркало посмотри, на тебе морщин больше, чем лошадей в твоём табунае!

И распахнул двери перед гостем.

* * *

В гневе вернулся Пантелеймон домой.

Закрылся у себя в опочивальне ипил горькую. Потом посуду бил в ярости и крушил всё подряд, что под руку попадётся. Подходил к зеркалам своим, смотрелся долго, всматривался и так, и эдак да повторял зло:

– Морщин – как лошадей в табуне! Развалина старая!!! О-о-о, горе мне! Что делать, что делать мне грешному?!!!

Долго ли так убивался Монарх – незнамо, да только стенания его услышал старый слуга Порфирий. Постоял Порфирий по ту сторону дверей, прислушался, головой скорбно покачал, а потом смелости набрался и постучался.

В ярости распахнул Пантелеймон двери опочивальни.

– Чего тебе, холоп?! Назови мне хоть одну весомую причину, по которой ты посмел беспокоить меня и я не отрублю тебе твою дерзкую голову!

Ни один мускул не дрогнул на лице слуги царского. Помолчал он, вздохнул тяжело и отвечает:

– Не вели казнить, Государь, вели слово молвить! Был я твоим слугой верным, им и останусь до конца дней своих! И кто как не я, батюшка мой, выслушает тебя?! Кто как не я совет даст?! Поскольку пожил я и повидал много на своём веку, я ещё твоего папеньку нянчил, и мудростью меня Бог одарил.

Заходили желваки на скулах разъярённого Царя, брови сгустились, зубы заскрипели. Но как ни свиреп был, а сдержался он, прошёл в свои покои, а двери оставил открытыми: входи, мол.

Вошёл слуга старый, двери прикрыл от глаз чужих, стулья поднял с пола, осколки посуды собрал.

А Пантелеймон присел на краешек кровати своей из красного дерева и смотрел на него в ожидании. И было видно, что умиряет он пыл свой внешне, да только внутри ещё огонь пламенем пылает.

– Горе мне! Влюбился я, Порфирыюшка! Места себе не нахожу! Не знаю, что делать!

Замер Порфирий, подумал мгновение и подошёл ближе.

– Отчего ж горе, Царь-батюшка? С каких это пор любовь горькою стала?! Разве есть на земле что-то, что сравнится с любовью по сладости своей и радостью сейчастия? И времени со дня кончины матушки нашей Царицы прошло достаточно, полно скорбеть, пора и о счастье подумать! Достоин ты его!

– Да не оспорю я слова твои, слуга мой верный, а горе-то в том, что влюбился я в красну девицу, которая мне в дщери годится! Вот как!

– И в том какая печаль, Государь мой, – отвечает Порфирий, – не в старую бабку же влюбляться, понятное дело – красна девица на то и рождена, чтобы покорять сердца наши красотой да молодостью своей.

– Да ты ж посмотри на меня! – Вскочил Пантелеймон, яростно подвинул к себе осколок зеркала, – стар я, Порфирыюшка! Древний да ветхий, весь морщинами изрытый!

– Кто ж тебе такое сказал, Царь-батюшка?! И у старости свои страсти! Старое дерево скрипит да не ломается!

– Спасибочки, утешил! – язвительно морщится Пантелеймон, – вот деревом меня ещё никто не называл.

– Полноте гневаться, Государь! – говорит слуга, – уж я-то знаю какое сердце у тебя горячее, какой нрав добродушный и какая душа широкая. А морщины твои – следы от улыбки твоей доброй.

– Ой, льстееец... – улыбнулся Царь, – а ведь всё равно, Порфирыюшка, как ни крути, а годы-то со счетов не сбросить.

Помолчал Порфирий, подумал немного, потом встал, двери плотнее прикрыл и подошёл ближе.

– Вот что я тебе скажу, Царь-государь: вижу, вижу всерьёз ты чувства свои кажешь, сердце не обманешь... Неужто до такой степени стоит эта красна девица твоего вождения?! Неужто забыть-таки невозможно? А может отвлечься чем? На охоту, на рыбалку, на кулачные бои пойдём! Переоденемся в крестьян и пойдём.

– Правда твоя, Порфирий, серьёзны чувства мои. И никакими рыбалками и охотами не отринуть меня от мыслей моих греховных. Люба мне эта девица, и жизнь без неё не мила мне боле!

– Тогда слушай, Государь. На свете чудес очень много, чего только не придумают люди! Есть и нерукотворные чудеса неведомо кем сотворенные. Но вот, говорят, есть на свете чудо непостижимое для ума нашего – яблочко молодильное!..

– Боюсь я чар колдовских да сил тёмных! – отмахивается испуганно Пантелеймон, – не к добру это всё!

– Отчего же не к добру? Это как посмотреть. Тут, Царь-батюшка, любые средства хороши!..

– Нет, нет! Даже не заикайся! Боюсь я!!!

Тогда Порфирий поднёс к лицу Государя осколок зеркала и спрашивает:

– Так ты на юной деве жениться хочешь, или нет?!

Закручинился Царь пуще прежнего, суксился, отбросил зеркало и застонал нервно:

– Ох, доведёшь ты меня до сумасшествия! Ладно, так и быть, давай – сказывай, где это яблочко молодильное найти?!..

* * *

– Эй, сыновья мои любимые! Где вы?!

– Здесь мы, батюшка!

– Туточки мы!..

Утром спозаранку, чуть рассвет забрезжил, постучал Царь в спальни к детям своим...

Сам-то он глаз не сомкнул всю ноченьку, думку думал тяжкую, решался на дело рискованное, важное для него. Одно дело пойти туда, не знаю куда, и добыть яблоко колдовское, а другое дело – кого послать?! Перебирал он в мыслях своих людей верных и преданных, всех поданных – богатырей ратных, мужей учёных, работный люд и прочих. И чем больше думал, тем больше понимал, что и послать-то некого. Не доверить им такое. Да и стыдно. Что узнает один, про то прознает и весь народ. Смеху не оберёшься.

И тут в голову ему пришла шальная мысль – а не послать ли кого-то из сыновей на дело это колдовское нечистое?! Федота, например. А что, он парень зрелый, косая сажень в плечах, и умом вроде Господь одарил. Объяснить ему, что к чему, родной ведь – должен проникнуться, понять.

Сковало грудины у Пантелеймона от мыслей этих, череп сдавило: жалко кровинушку посылать незнамо куда, да боле всего себя жалче – любовь штука коварная, опутала путами невидимыми по рукам и ногам!

«А ну как не справится?! – размышляет Царь, – Федот хоть и головастый, да уж больно мнительный, осторожный... Вот Иван, к примеру, хоть и молод, да удалю поделиться с кем хошь может, рисковый, бесшабашный, такой не то что яблоко – всю яблоню с корнем притащит!»

И чем больше думал Пантелеймон, тем больше приходил к решению, что послать-то надо обоих!

... – Вот что, сыновья мои дорогие, присаживайтесь поудобнее – я сейчас вам кое-что страшное говорить буду. А то ну как упадёте.

– Не могу я сидеть, пока ты, батюшка стоишь, – говорит Федот.

А Иван завалился на трон царский, да ещё и ноги на подлокотник закинул – ох, и дерзок, плут эдакий!

Посмотрел на них Царь, и тоже присел на краешек скамьи.

– Давай, говори свою страшилку, жуть как интересно! – улыбается Иван.

Федот на брата посмотрел с укоризной, головой покачал, да ничего не сказал, вздохнул только.

– Взрослые вы у меня, – печально молвит Пантелеймон, – жанить скоро вас надо будет, эээх! Невесту себе не присмотрел, Федотка?! А?

– Не, – покраснел Федот, – рано мне ишшо жаниться!

– А я присмотрел! – хвастает Иван, – Авдонька, али Анфиска, а может даже Варварушка, али Татьянушка! Они все красивые, я даже не знаю... И это только те, в которых вчера влюбился!

– Вот ты дурень, – говорит Федот, разве ж это так делается?! Кто ж так влюбляется? Сначала же надо определиться, на одной остановиться, с родителями её познакомиться, о приданом узнать, дом построить, а потом уж и сватов засылать! Да, батюшка?

– Эхе-хе, – только и сказал Пантелеймон в ответ.

– Не хочу сватов, – улыбается Иван, – сам хочу! Через балкон залезу ночью и украду!

Федот опять языком поцокал с осуждением и глаза закатил к потолку, мол – дурень же, что с него взять!

– Вот, дети мои, об этом и речь пойдёт, – облегчённо оживился Царь, тема-то сама собой в нужное русло легла, – много годков уже прошло со дня смерти матушки вашей, земля ей пухом, царствие ей небесное... А я-то между прочим не старый ишшо... Вопчим, царевичи мои, жаниться я надумал! Влюбился наемдни в девицу одну, мочи нет! Простите, что принял решение, не посоветовавшись с вами, но меня всё равно не переубедить: решил, значит решил!

– Ой! – округлил глаза Федот.

– Ух-ты! – разлыбился Иван, – Урррааа, батюшка женится! Вот погуляееем!

– Ну, как бы поздравляем! – робко говорит Федот, – ты, батюшка, жаних завидный, царство-государство богатое, да и внешностью Бог не обидел – выглядишь от силы на тридцать три!

– Спасибо на добром слове, Федотка, токма зеркала не обманешь! А я вот по этому вопросу вас и позвал. Думаю, что избранница моя согласилась бы со мной под венец пойти, ежели я бы помоложе был...

– Да не старый ты вовсе...

– Молчи, Федот! Невеста-то моя – даже моложе тебя будет, во как! В этом-то и прамблема! Разница в годах у нас больно великоватая.

– Делаааа!.. – сдвинул шапку на глаза Иван.

Пантелеймон покраснел немного, засмутился, но взял себя в руки.

– Но оказывается, соколики мои, прамблему-то эту решить можно! Хоть энто и трудно очень...

– Костьми ляжем, батюшка, но поможем, как бы не было трудно! – торжественно говорит Федот. У него аж голос сел от волнения.

– Все трудности решаемы, ежели только захотеть! – заявляет вдруг Иван весело, – поскольку трудности энти существуют у нас в голове! Во как! А в мире их нет! Совсем. И ежели мы чего-то пожелаем, то и получить это всегда сможем!

Царь посмотрел на сыновей с умилением и сказал:

– Вопчим, как бы то ни было, а жаниться я смогу!

– Но на другой? Постарше? – предположил Федот.

– Или подождать, пока та постареет! – снова смеётся Иван.

– Э-э-э, довольно изгаляться над батюшкой, повесы! Дело-то очень уж сурьёзное. Слушайте! Есть где-то на свете средство одно, для того чтобы любому человеку моложе сделаться – яблоко молодильное. Кто его съест, тот сразу юным делается, красивым и без морщин всяких!

– Да ладно! – раскрыл рот Федот.

– У нас энтых яблочек – полный сад, – зевает Иван, – я каждый день их ем и ни одной морщины! А уж малина какаяяяя!..

– Вот дурень! – только и сказал Федот.

Глава вторая

*Но праведник будет крепко держаться пути своего, и чистый
руками будет больше и больше утверждаться.
Иов 17.9*

Недолго братья думали. Этим же днём собрали провианту на дорогу, выбрали лучших коней царских и пошли на благословление к бабушке.

– Я даже не ведаю – в какую сторону вам идти, какими путями-дорогами, – печально говорит им Царь, – но я верю в вас, ибо растил вас верными, да почитающими родителя своего. Найдите, сыновья мои любезные, яблочко молодильное, может ценой тягот и лишений, ценой риска и испытаний, но только не ценой жизни вашей. К чему мне тогда молодость, коли в жертву детей своих отдам?!

– Всё будет хорошо, бабушка! – успокаивает его Федот.

– Не, не будет! Всё ужé хорошо! – не соглашается Иван. Вечно он со своими премудростями...

Смахнул Пантелеймон слезу со щеки и сказал:

– В добрый путь, дети! Только помните: времени у вас – ровно один год! Коли в этот срок не уложите – не будет нужды в яблочке том.

Вскочили братья на коней и поскакали, куда глаза глядят.

* * *

А как выехали они за владения стольного града царства своего, Федот и говорит:

– Послушай, Ивашка, умные слова мои: думается мне, что отправиться на поиски яблока этого нам лучше порознь – так шансы найти его вдвое вырастут. Али не прав я?!

Почесал макушку Иван и отвечает:

– Так-то оно так, а вот нянька моя старая как-то сказала: хочешь идти быстрее – иди один, хочешь уйти дальше – иди вместе!

– Нашёл, кого слушать! – возмущается Федот, – я старше тебя, поэтому слушайся меня! Видишь – две дороги, ты иди по правой, ну а я – по левой. И не вздумай за мной ехать! Прощай! Через год встретимся!

Пришпорил коня Федот Царевич и был таков.

Иван подумал-подумал, подождал немного и поехал следом.

И не потому, что назло, а потому что переживал за брата своего: а ну как что случится с Федотом, а его рядом нет.

А Федот скачет мимо сёл, мимо деревень – одухотворённый, радостный – он же на подвиг ратный едет, для бабушки родимого старается! Наконец-то настоящее, достойное дело появилось в его жизни, пришло время испытать себя, доказать каков он!

Потом думает Федот: «Ой, а может я и скачу-то не в ту сторону, и узнать бы пора у кого-нибудь – где искать яблочко то молодильное?!»

А тут и прохожий мимо шествует – старец седобородый, идет на клюку опирается, пот со лба смахивает. Видно, что тоже не из здешних мест он, что долгий путь держит.

– Эй, старик, стой! – кричит ему Федот, – отвечай мне: не слышал ли ты где найти сад с яблоками молодильными? Ведаешь ли что об этом?

Остановился странник, посмотрел из-под руки на всадника и отвечает:

– Здравствуй, добрый молодец!

– Федот Царевич я, а не добрый молодец! – важно говорит Федот.

– Будь по-твоему, у тебя ж на лбу не написано...

Хотел было Федот старика плетью стегнуть по спине за дерзость его, да подумал – а вдруг он знает чего про яблоки-то!

– Отвечай!

– Скажу, что знаю, только не угостишь ли меня сначала лепёшкой да глотком воды, я три дня и три ночи не ел.

– Ох, и непочтительный ты, – рассердился Федот, – у меня дорога дальняя, самому провиант нужнее. Ты давай говори, что знаешь, а не то плетей получишь!

Вздыхнул старик.

– Правда твоя, царевич, есть на свете такой сад, и есть в нём яблоки молодильные. Это я ещё от своего деда слыхивал. Да только если бы знал, где он этот сад – не был бы я стариком немощным, а был бы юношей статным. Так-то вот.

– Значит прав батюшка – есть-таки яблоки такие! А уж ежели есть, то найду во что бы то ни стало! – радостно восклицает Федот. А потом говорит старику:

– Иди к Царю Пантелеймону и передай от меня весточку, что, мол, Федот уже на пути к яблоневому саду, что добудет обязательно яблочко для него!

И поскакал дальше.

Скачет-скачет, уже и поселения людские закончились, и сумерки надвигаются, Федота сомнения стали одолевать всё больше и больше – туда ли путь держать надо?! И людей вокруг не видать, спросить не у кого. Глядь – путник идёт, присмотрелся Федот – женщина пожилая, платок на глаза, сарафан заношенный, на солнце выцветший, да лапти дырявые.

– Эй, бабка, остановись! – велит ей Федот, – коли русский язык понимаешь и не глухонемая – отвечай: слышала ли ты про сад яблоневый, в котором молодильные яблочки растут?

Старушка из-под платка Федота осмотрела и отвечает:

– Слышала, как не слышать. Я ещё девочкой была, мой дед сказывал, что есть такой сад.

– Это хорошо! – радуется Федот.

– А ещё он сказывал, что яблочек тех только глупец искать будет, – продолжает женщина, – поскольку жить надо в своём возрасте, проживать свои годы достойно, ибо в любом возрасте свои радости есть!

– Это уже не твоего ума дело! – говорит Федот, – мне твои советы без надобности! Лучше скажи, в какой стороне искать сад этот с яблоками молодильными?

– Ехать надо прямо на Восток, – изрекает женщина, – до самого края земли, а там и поспрашивать у людей добрых.

– Значит я правильно еду! – гордо заявляет Федот, – ступай, бабка и выполни мой приказ: придёшь во дворец к Царю Пантелеймону и скажешь, что, мол, Федот Царевич уже на пути к молодильному яблочку и скоро его добудет!

– А не угостишь ли меня лепёшкой чёрствой да глотком воды, – просит женщина, – у меня три дня и три ночи маковой росинки во рту не было.

– Иди уже, старая, поспешай, а не то плетей получишь!

Старушка испуганно перекрестилась и пошла прочь.

А Федот довольный дальше поскакал.

Где-то в перелеске на ночлег остановился, лепёшек, в дорогу собранных, откушал. А утром рано снова в путь пустился.

Долго ли коротко, скакал Федот, добрался он до огромной бурлящей реки. Широка река, а моста не видно. Растерялся Федот: вплавь-то никак – уж больно неукротимо течение. Вдруг, глядь – паром из брёвен, а рядом паромщик – парнишка молодой.

– Эй, юноша, ну-ка переправь меня на тот берег! – приказывает Федот.

Переправил паромщик Федота и коня его через реку и говорит:

– Я три дня и три ночи ничего не ел, не угостишь ли меня за труды мои хоть какой лепёшкой да глотком чистой водицы!

– Ох и нагловатый ты, отрок! – отвечает Федот, – да ты знаешь кто я такой?

– Ты – мой пассажир, – отвечает юноша.

– Ах ты, холоп дерзкий! – возмущается Федот, – твоё счастье, что некогда мне, а не то я бы тебе плетей всыпал!

И поскакал дальше.

* * *

А Иван, между тем, по той же дороге следом ехал. Да отстал он от Федота намного, потому как оказия с ним приключилась. Встретил он на пути старца немощного, который с голода и усталости уже силы терял последние.

– Здравствуй, дедушка! – говорит Иван, – куда путь держишь?

– Здравствуй, добрый молодец! Иду я к царю Пантелеймону, по поручению сына его, сказать, что, мол, Царевич уже на пути к саду с молодильными яблочками.

– Ну и дела! – удивляется Иван, – садись ко мне на коня, я тебя до стольного града доброшу.

Взобрался старец на коня к Ивану, и поскакали они в царство-государство царя Пантелеймона. А как до городских ворот доехали, старик спешился, а Иван его лепёшкой угостил на прощанье.

Тут старик и говорит:

– Благодарствую тебе, добрый молодец! Вот тебе за доброту твою кисет с зерном, авось и пригодится в дороге.

Подивился Иван, взял подарочек и поскакал обратно.

Скачет-скачет, в чисто поле выехал, а навстречу женщина старенькая бредёт, еле ноги передвигает от усталости.

– Здравствуй, бабушка! Куда путь держишь?

– Здравствуй, касатик! Иду я к царю Пантелеймону, по поручению сына его, сказать, что, мол, Царевич уже дорогу узнал к саду с молодильными яблочками.

– Хм, чудно! – дивится Иван, – давай я тебя до ворот стольного града довезу, вижу – обессилела ты совсем.

Помог Иван женщине на коня взобраться и довёз её до столицы. А как подъехали, угостил он её лепёшкой да водицей чистой.

– Ох, спаси тебя Бог! – благодарит его старушка, – вот тебе маленькая баночка мёда, авось в дороге пригодится.

– Зачем же спасать меня? В порядке я, – рассмеялся Иван. – А за дар твой благодарю.

Сказал так Иван и поскакал обратно.

Скачет-скачет, подъезжает к реке широкой. Река бурная, неукротимая. Как на тот берег перебраться – непонятно.

Видит – паромщик молодой сидит на камне, а у берега паром на волне болтается.

– Здравствуй, юноша! – приветствует его Иван, – переправь меня на тот берег!

– Я бы с радостью, да сил нет, три дня и три ночи не ел ничего, – отвечает печально паромщик.

Достал Иван снеди всякой, накормил-напоил юношу, а потом взобрались на паром и переправились на другой берег.

– Благодарю тебе, паромщик! – радуется Иван.

– И тебе удачи да радости, добрый человек! – отвечает юноша, – счастливого пути! Вот, прими от меня на память подарочек небольшой, – и протягивает камушек прозрачный, – это

непростой камень, это подарок русалки, волшебную силу он имеет, жаль только – не ведаю я о его силе. Бери, авось пригодится!

И пустился Иван дальше в путь-дорогу.

Глава третья

Волшебство – это вера в себя. И когда это у тебя удаётся, то удаётся и всё остальное!

Гёте

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Скакал Федот три дня и три ночи, устал очень, провиант на исходе, а водица, припасённая в дорогу, совсем закончилась. А солнце высоко, вокруг ни души. Страшновато стало Федоту: «Ой, не сгинуть бы невзначай, а помирать жуть как не хочется – молод ещё!». У дороги холм стоит высоченный, поддал Федот коню шпор и взобрался на вершину холма этого. Осмотрелся, кругом поля бескрайние, да пригорки, не видать ни села, ни души живой.

Сник Федот, с коня сполз, сел у ног его и заплакал с горя.

«Заплутал видно, куда дальше ехать? И спросить не у кого!».

Печалился-печалился да и уснул с тоски.

И снится ему сон, будто батюшка его говорит: «Эх, Федотка, не добыл ты мне яблочка, плохой ты сын! А Ивашка добудет!»

– Нееееет! – закричал Федот в страхе и проснулся.

Глядь – а рядом он стоит – Ивашка!

– Ты откуда взялся?! – спрашивает Федот.

– Оттуда! – машет Иван в сторону дороги.

– Следишь за мной, что ли? Ждёшь, когда я молодильное яблочко найду, а потом скажешь батюшке, что вместе нашли? Али того хуже – украдёшь его у меня и скажешь, что это ты нашёл?

– Не, – улыбается Иван, – я за компанию поехал, мне интересно просто! Заодно и мир посмотрю! А яблочко батюшке ни к чему, колдовство разве до добра доведёт?

– Не умничай, не твоего ума это дело! – возмутился Федот, – молоко на губах не обсохло, а туда же! Батюшке жанится надо!

– А мне думается, для женитьбы любовь нужна, а не яблочки! – вздыхает Иван.

– Да что ты понимаешь!.. Дай-ка лучше водицы, мочи нету как пить охота!..

Попил Федот воды, повеселел немного и говорит:

– Да, дураком на свете жить – ни о чём не тужить! Езжай-ка Ивашка домой, а я на подвиги поехал! Это дело для настоящих мужчин!

– А можно я хоть краем глаза, издали посмотрю на твои подвиги, братец! – просит Иван, – я не стану тебе мешать, слово даю! Я просто жуть как люблю такие приключения!

– Эээх, дурень... Ну ладно, езжай поодаль, но не встречай, я сам яблочко молодильное добуду! Дай-ка мне ишшо лепёшку свою, мне же силы для подвигов копить надо!..

И поехали братья дальше. Вдвоём-то веселее, хоть Иван и поодаль едет.

Скачут-скачут, только три версты проскакали – на горизонте всадники показались.

– Вот хорошо, люди навстречу едут! – радуется Федот, – сейчас дороге спрошу.

Всадники ближе подъехали, окружили Федота и спрашивают:

– Ты кто такой, куда путь держишь?

– Я Федот, царя Пантелеймона сын! – гордо отвечает Федот, – а куда я путь держу – не ваше дело! Вы лучше дорогу мне до города покажите!

– Вот нам подвезло, так подвезло! – загалдели всадники, – хватай его братцы!

Набросились они на Федота, руки заломили, и мешок на голову набросили.

– Вы кто?! Как вы смеете!!! – орёт из мешка Федот.

– Мы лихие разбойнички! – отвечают всадники, – как думаешь, сколько Пантелеймон за тебя выкупа даст?!

А тут и Иван подъехал. Видит – нехорошие дела творятся, да поздно – пленили Федота.

– Что ж вы братцы делаете? – спрашивает он разбойников.

– Вот, хорошую добычу поймали, а тебе-то что?

– Мешок золота, наверное, за него хотите взять?

– Может и мешок, а тебе какое дело?

– Мешок хорошо, но можно же и два попросить: я ж тоже сын царя Пантелеймона, пакуйте меня в мешок!

– Вот ты дурень!!! – кричит из мешка Федот.

Разбойники переглянулись, и давай Ивана в мешок засовывать.

Потом обоих через седло перекинули и поскакали в своё разбойничье логово.

К ночи прискакали. Бросили добычу в сарай и стали решать – кого к царю послать за выкупом. Думали-думали да так и не надумали, решили до утра подождать.

После полуночи, когда все громко храпели, да постанывали во сне, вспомнил Иван про подарки, что по дороге получил. Вытащил он из кармана кисет с зерном, нашарил в мешке крохотную дырочку и стал туда зёрна просыпать. Набежали голодные мыши и давай грызть мешок, думая, что он зёрнами полон. А как до бечевы добрались, так мешок и развязался. Выбрался Иван тихонько и Федота освободил. Потом через соломенную крышу выбрались они из сарая, на коней своих вскочили и сбежали от греха подальше.

– Везёт же дуракам! – говорит Федот, – и как у тебя, Ивашка, выбраться удалось?!

– Случайно получилось, – признаётся Иван, – как-то само собой. Везет, наверное?!

Долго скакали братья, так хотелось от разбойников оторваться. А как почувствовали, что далеко уже отъехали, шагом поехали. Тут Федот и говорит:

– Ладно, Ивашка, дальше я сам поеду, а ты поодаль. Вдруг там опасность какая! А мне ж надо подвиги для батюшки совершать.

А Ивана и просить долго не надо, он коня стреножил, пастись пустил, а сам на траву лёг и в небо смотрит – счастливыый!

Скачет Федот дальше. Три версты проскакал, а перед ним лес дремучий непролазный. Да такой густой, что не то, что на коне – пешим ходом не пробраться!

«Как же быть? – думает Федот, – тут только медведь сможет продраться сквозь такую чащу, он большой да сильный, для него лес – дом родной».

Только подумал – из чащи косолапый вылезает. На Федота смотрит, видно человека впервые видит.

– Эй, медведь! А ну-ка протопчи мне просеку, мне через лес проехать надо!

– Говорящая еда! – рычит медведь, – а чего мне для тебя стараться, коли я тебя съем и всё.

Перепугался Федот, вжался в седло, сидит, дрожит от страха, знамо дело – не охота съеденным-то быть в двадцать три года.

Тут откуда не возьмись – Ивашка.

Подъехал ближе и смеётся:

– Да невкусный он, Мишка! Потом несварением желудка страдать будешь! Вот лучше смотри, что у меня есть!

И выуживает из-за пазухи баночку.

– Мёд!!! – радуется медведь, – эх, а пахнет-то как! Да я за эту баночку вам весь лес протопчу!

– Не надо весь, давай просеку! – предлагает Иван.

Медведь ломанулся, только пятки засверкали. Кусты колючие в стороны раздвигает, дубы вековые ломает, только белки да зайцы успевают по сторонам разбежаться.

А за ним Федот и Иван на конях своих перепуганных скачут.
Медведь до конца леса добрался, баночку желанную получил и был таков.
– Зря ты всё-таки мёд отдал, – говорит Федот, – я его уже почти уговорил!..
И поскакали они дальше. Федот – впереди, Иван – поодаль.

Ещё день минул и ночь прошла.

Скачет Федот на своём коне, видит – впереди что-то голубое светится, да с небом сливается.

«Что за ужас такой?!» – насторожился Федот. Подъехал ближе, видит – так это же море. Батюшки светы. Огромное, бескрайнее, волны – с избу, шуму – как от стада коров. Над морем чайки парят, и вокруг ни души.

«Вот я попал в передрыгу! – вздыхает Федот, – как же мне теперь дальше-то путь держать?!»

А тут и братец подъезжает. С коня соскочил, да как бросится в волны!

– Море!!! – кричит Иван, – самое настоящее!!! Ураааа!

Ну и давай плескаться, да брызгами Федота окатывать.

– Вот дурень! – ворчит Федот, – тут беда, не знаю, как на тот берег перебраться, а он как дитё малое.

Иван на прибрежный песок выбрался, лёг на спину, руки раскинул и лежит, улыбается. Потом присел и давай камушки в воду бросать. Бросал-бросал и вдруг замер, как будто вспомнил чего-то. И точно: полез в карман, достал камушек прозрачный – подарок паромщика, смотрит на него задумчиво, а что делать с ним не знает. «...Это подарок русалки, волшебную силу он имеет...» – сказал тогда паромщик. Иван камушек в ладони сжал, глаза прикрыл и просит:

– Дорогое мое Божественное! Пусть та Русалка, что камень этот паромщику подарила, меня сейчас услышит и поможет нам через море перебраться!

Федот сначала испугался за брата – не покинул ли его разум окончательно?! А потом ещё больше испугался, потому что у берега вдруг, откуда ни возьмись, огромная рыба-кип появилась! Хвостом по песку бьёт, и спину подставляет: будто приглашает.

Иван будто того и ждал, коня под уздцы схватил и на рыбину запрыгнул. Федот робко следом вскарабкался.

Рыба плавниками взмахнула и бросилась в самую пучину, только брызги по сторонам.

– Эге-гееей! Поехалииии! – кричит Иван радостно, – благодарю, русалочкаааа! Благодарю, рыба-кип!!!

– Странная какая-то рыбина – ворчит Федот, – такая же, как Ивашка – чудная на всю голову!

Глава четвёртая

Рискните! Если вы победите, то будете счастливы, а если проиграете, то будете мудрым.

Ошо.

Далеко-далеко, там, где земля сливается с небом, живут другие люди. Они говорят на других языках и думают по-другому. Там по лесам и полям бродят другие звери, в реках плавают необычные рыбы, а в небе парят яркие диковинные птицы.

Иван с Федотом, долго по волнам плыли, да всему конец есть и море кончилось. Федот снова велел Ивану своим путём идти, а сам вскочил на коня и поскакал дальше.

Чем дальше держал свой путь Федот, тем больше дивился чудесам, кои на земле существуют. Кого он только не встретил на своём пути – и огромных хвостоносых гигантов, и полосатых лошадей, и ящериц размером с корову...

Федот от удивления, даже забыл для чего он сюда приехал. А тут ещё и смуглые люди кругом, идут и смотрят на чужестранца любопытным взглядом.

«Вот ужас-то! – тихо стонал про себя Федот, – бежать надо отсюда, не ровён час, камнями забьют».

А внутри него «другой Федот» сопротивляется:

«Нет, я должен помочь батюшке! У меня есть цель и я должен её добиться!»

– Эй, человек! – окликнул Федот прохожего, – где тут у вас сад с молодильными яблоками?!

Но прохожий только руками развёл, он не понимал языка чужеземца. Федот спрашивал другого, пятого, десятого... Но никто не мог понять его.

Тогда Федот решил, что эти люди – обычные холопы, а языки должны понимать особы, живущие во дворцах.

Так в размышлениях он подъехал к огромному золотому дворцу.

Слез Федот с коня и постучал в резные ворота: вышли стражники с секирами вострыми, схватили Федота за шиворот и затащили вовнутрь.

В огромной, украшенной бархатными коврами, золотой палате на расписных подушках сидела женщина. Была она достаточно молода, красива собой и одета в дорогой восточный наряд. Женщина меланхолично жевала изюм и рассматривала Федота.

– Приветствую Вас, уважаемая! – улыбнулся ей Федот, – а вы жена Султана?!

– Мир тебе, чужестранец! – ответил женщина, – я – вдова Султана!

– Ой, – смутился Федот, – простите!

– Ничего, – опустила глаза женщина, – прошло уже много времени... Что привело тебя в наши края, юноша?

– Нужда привела, дорогая... э-э-э...

– Меня зовут Медина! – нежно улыбнулась Султанша.

– Ага, нужда привела, дорогая Медина, – честно говорит Федот, – ищу я сад с молодильными яблочками, ты не знаешь – где найти его?

Улыбнулась Султанша, встала с подушек, прошлась взад-вперёд по палате и спрашивает:

– Как ты думаешь – сколько мне лет?

– Двадцать, наверное, – предположил Федот, – или двадцать пять!

Засмеялась Медина звонким голосом молодецким и отвечает:

– На прошлой неделе пятьдесят стукнуло!

– Хорошо сохранилась! – уважительно говорит Федот. А потом его осенило, и закричал Федот радостно:

– Молодильные яблочки!!!

Ничего не ответила Султанша, кивнула Федоту и повела его через дворец куда-то. Прошли по коридорам тёмным, по тоннелям глухим и вышли на широкий двор.

За золочёной изгородью шумел листвою яблоневого сада. Между деревьями бродили огромные пышнохвостые павлины. На ветвях висели прекрасные сочные яблочки и светились на полуденном солнце.

– Чудо как хороши! – восхитился Федот, – продашь одно яблочко за мешочек золота?!

– Даром бери, – отвечает Медина, – если найдёшь молодильное – твоё счастье, а коли не найдёшь – пеняй на себя, и не ищи во мне вины!

– Как это – даром? – насторожился Федот.

– Сад большой, яблочек в нём очень много, – говорит Султанша, – да только силу колдовскую они имеют разную. Есть там и молодильное яблоко! Но есть и другие. Есть яблоко, которое сделает тебя мудрым и есть такое яблочко, от которого глупым станешь. Можешь и ослепнуть, можешь и речи лишиться. Есть яблоки, которые в мгновение человека в осла превратить могут! Всякие там яблочки. Иди – срывай любое!

Страшно стало Федоту. Сделал он шаг и остановился.

– А как же ты, о, Султанша? Ты же нашла это яблочко молодильное?

Помолчала Медина, задумалась надолго, а потом и говорит:

– Давным-давно, далеко отсюда стоял дворец. Там и жили мы с Султаном счастливой жизнью, в любви и согласии, и жили бы ещё долго и умерли в один день. Но случилось несчастье в нашей семье – занедужил мой любимый, стал болеть, чахнуть и угасал день за днём, за часом час. Когда же он почувствовал, что сочтены дни его на этой грешной земле, сказал он: «говаривал мне дед, а ему его дед, что где-то в наших краях есть сад необычный, с колдовскими яблоками. Он и погубить может, и пошалить, и оживить человека любого. Найди этот сад!»

– И что? – нетерпеливо спросил Федот, проникшись рассказом, – ты же нашла его?!

– Да. Как видишь. Но было уже поздно, Султан оставил этот мир. Перед смертью он сказал мне: пусть хотя бы тебя порадуют эти яблони. В память о любимом я приказала построить новые хоромы вокруг этого сада, оставила наш дворец и переехала жить сюда... Среди поданных моих много немых и слепцов, а в загоне у меня – целый табун ослов. Многих я предала, пока добралась и до яблочка молодильного.

Застонал Федот от бессилия:

– О-о-о! Как же я батюшке в глаза взгляну?! Я же ему обещал! Я же не смогу без яблока молодильного вернуться!!!..

* * *

Долог путь. Так далека дорога, что устал конь под Иваном. Иван спешился, да и повёл коня за узду. Идёт, песни весёлые горлопанит, чтобы коню не так грустно было.

Солнце светит, птицы в небе поют, ветерок лёгкий волосы шевелит.

– Эх, хорошо-то как! – улыбается Иван, – вот оно счастье-то!

Вдруг видит Иван – на горе стольный град стоит чужестранный. Подошёл ближе – так и есть: животные – просто загляденье, одежды на людях смешные, дома интересные.

– Вот это да! – радуется Иван, – красотища какая! Наверняка и Федот – братец мой, где-то здесь. Может в этой стране прекрасной и растут яблони с молодильными яблоками? Стало быть и Федот тут должен быть.

– Здравствуй, мил человек! – окликает Иван прохожего, – скажи – не видал ли ты здесь парня, похожего на меня?

Прохожий только улыбается в ответ и руками разводит.

«Забавный какой!» – думает Иван.

Он другого спрашивает, пятого, десятого – тот же результат.

А тут поверх крыш домов вдруг блеснули на солнце купола золочёные.

«Дворец, наверное, – решил Иван, – поеду-ка я туда, вдруг там Федот, брат мой родной!»

Подъезжает он ко дворцу, стучит в ворота.

Тотчас вышли стражники с секирами острыми, схватили Ивана за шиворот и потащили вовнутрь.

Хотел было Иван показать свою удаль молодецкую – раскидать стражников, кулачный бой им устроить, да не успел: у коновязи Федотова коня увидел!

– Федотка, братец мой! – обрадовался Иван.

Охранники Ивана привели в огромный зал, украшенный коврами и подушками расписными, да повелели ждать.

Не захотел Иван ждать. Посидел-посидел малость, изюму да заморского да халвы попробовал нахально, а потом и говорит:

– А где мой брат?! Ведите меня к нему!

Побежали слуги, доложили Госпоже о новом госте, а потом и потащили Ивана во двор к правительнице.

Иван выходит, смотрит – стоит Федот живой-здоровый, а с ним девица какая-то в дорогих одеждах.

– Здравствуй, хозяйюшка! – дружелюбно говорит Иван, – ты Федота, брата моего не в полон ли взяла?

– Бог с тобой! – улыбается Султанша, – Гость он мой, как и ты! А если мои люди принесли вам какие-то неудобства – прошу простить меня покорно!

И тут Иван сад увидал с яблонями необычными.

– Ух-ты! Вот это да!!! – дивится Иван, – неужели это он и есть, сад колдовской с молодильными яблочками?!

– Всё очень плохо, Ивашечка, – печально говорит Федот, – всё ужасно! Там, в этом саду есть и молодильное яблочко, а есть и опасные, которые лучше не трогать.

И поведал он Ивану то, что от Султанши услышать пришлось.

– Вот это да! – улыбается Иван, – забавно! Интересно!

– Чего ж тут интересного, дурень? – отвечает Федот, – как мне теперь яблочко для батюшки найти?!

– А чего тут думать?! – весело молвит Иван, – надо просто идти и пробовать! От какого яблока помолодеешь – то оно и есть!

– А ежели в осла превратишься, дурень?! – чуть ли не кричит в сердцах Федот.

– А ежели – нет?! – смеётся Иван.

– А вдруг как ослепнешь, али онемеешь?!

– А вдруг – нет?! – веселится Иван.

– Вот ты дурень, братец, ей богу! Ежели хочешь, иди и попробуй, а я постою подумаю, тут с кондачка не решишь – что делать!

– А пойду и попробую!!! – говорит Иван.

– И попробуй!

Иван на Федота весело посмотрел, потом к Султанше подошёл и на ушко ей шепнул чего-то. Потом через ограду перемахнул, сорвал первое попавшееся яблоко и смачно с хрустом надкусил...

Часть вторая

Глава пятая

Совершить невозможное – не такая уж и великая проблема, если знаешь с чего начать!

Макс Фрай

– Дуракам везёт! – только и сказал Федот.

Потому что Иван не превратился в осла.

А Федот ожидал этого. И не потому, что он брата своего недолюбливал, а потому что так уж он был устроен: – в первую очередь быть готовым к неприятностям, к козням, к предательству и прочим тёмным вещам.

А Ивашка, дурень, стоит за оградой и смотрит испуганными глазами на них с Султаншей, да дрожит как осиновый лист.

– Что-то ты не очень помолодел! – усмехается Федот, – ишшо будешь рисковать?!

– Да погоди ты... – говорит Медина Федоту, – похоже, братец твой откусал яблоко трусливости: смотри, какой он испуганный! На него сейчас любая птаха страху напустит.

А Иван вдруг улыбнулся, вздохнул глубоко и говорит:

– А что тут такого?! Страх он в любом человеке и без яблочка есть, в ком-то больше, в ком-то меньше. Даже в том есть, который кичится и хвастает храбростью своей. А нянька моя говаривала – посмотри страху своему прямо в глаза, обними его, да потолкуй от чего он охраняет тебя. Как примешь в себе свой страх, так и забудешь о нём!

Потом руку к ветке протягивает Ивашка, да другое яблоко срывает.

Федот аж вспотел от напряжения. А Медина только усмехается в ладошку.

– Давай, Иван, смелее!

А того и уговаривать не надо – яблоком захрустел так, что у Федота слюнки потекли.

И снова не выросли у Ивана на голове ослиные уши!

У Федота даже немного гордости появилось за брата, косится на Султаншу – смотри, мол, знай наших!

А Иван стоит, широко расставив ноги, и лоб свой хмурит. А взгляд у него какой-то нехороший сделался.

– Ой, – шепчет Федот, – что это с ним?!

– Это плод ярости, – тихо отвечает Медина, – надо ему быстрее ещё одно яблочко скушать, а не то он переколотит тут всё, и дворец разрушит, и нас в бараний рог согнёт!

Так и есть: действовать яблочко начало, Иван павлина, что под ногами крутился, за хвост схватил, размотал и на облако забросил.

– Ванечка, не злись! – кричит брату Федот, – вспомни, ты же добрый, не гневливый!

– В каждом человеке гнев есть, – отвечает Иван, – но кто гнев свой принимает, тот крепко бывает! А нянька моя говаривала, что гнев – это оружия бессилия!

Сказал так Иван, ногой топнул от злости, новое яблоко сорвал вместе с веткой и откусил кусок.

Федот снова замер. А Медина уже в голос смеётся:

– Иван, ты молодец, коли от этого яблока ослом не сделаешься – я тебя золотом одарю за храбрость твою!

– А ежели сделается? – дрожащим голосом спрашивает Федот.

– Тогда сеном ароматным! – улыбается Султанша.

И снова у Ивана ни уши ослиные, ни хвост не выросли!

А Федоту всё равно жутковато: что там за яблоко – одному Богу известно. Вдруг ослепнет братец, али онемееет?!

– Ивашка, как ты себя чувствуешь? – осторожно спрашивает он, – ты же опять вроде не молодеешь!

– Это и хорошо, – отвечает с улыбкой Иван, – какой смысл угадывать, ежели батюшки рядом нет. Даже если и найду я яблочко молодильное, да надкусанным батюшке повезу – сгниёт оно по дороге, путь-то дальний!

– Ой, и то верно, – соглашается Федот, – и как это я не докумекал. Вот тебе и дурак!

– Это он яблоко мудрости надкусил, – замечает Медина.

– Только я должен яблоко молодильное батюшке привезти, мы же договаривались, – ревниво напоминает Федот.

Иван рукой в сторону сада повёл и говорит:

– Вези!

– А как?! Какое?! – жалобно стонет Федот.

– Набери корзину яблочек разных и всё, делов-то, – смеётся Иван и просит Медину: – можно меня вместо золота корзиной яблочек одарить, а?!

– Можно! – соглашается та.

– Они же все одинаковые с виду! – злится Федот, – а ну как батюшка в осла превратится?! Ну, да ладно, на холопах сначала проверим...

* * *

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

И поскакали братья обратно до дома отчего.

У Федота на коне, к седлу притороченная, корзина яблочек болтается. Федот каждый час на поклажу посматривает – не потерялась ли.

Иногда и на брата посматривает – как бы не присвоил себе Ивашка подвиги все! А то вдруг как начнёт батюшке рассказывать – вмиг героем делается.

– Эй, братец, – вспоминает вдруг Федот, – а что ты там Султанше на ухо шептал, перед тем как за изгородь перемахнуть?

– Ничего особенного, – улыбается Иван, – я попросил её и другими яблочками меня накормить, ежели я вдруг в осла превращусь, чтобы обратно вернуться!

Федот только головой помотал: дурак и умного одурачит!

Ехали братья тридцать три дня, тридцать три ночи, ночевали и в лесу дремучем, и в поле чистом, и в трактире придорожном.

И на обратной дороге никаких происшествий страшных с ними не было. Если не считать только, что на каком-то постоялом дворе коня угнали. Зашли-то на полчаса, квасу отпить, да лепёшек поесть, вроде и в окошко смотрели, а как вышли – нет коня! Один конь Федота сиротливо стоит с корзиной яблочек на боку, а Ивана конь сгинул, как будто и не было! Только какой-то жеребёнок сиротливый пристал к ним, видно от мамки отстал и прибился сердешный.

– Вот, народ! – возмущается Федот, – вот ворьё! Чтоб им пусто было!!!

Иван стоит, моргает, по сторонам виновато смотрит – не всегда видно дуракам везёт!

– Ладно, Ивашка, не расстраивайся, садись на моего коня, он двоих выдержит, что тут осталось пути-то! Да жеребёночка прихвати, пока хозяин не объявился, пригодится в хозяйстве!

Сели они вдвоём на коня Федотова и поехали не спеша.

А там уже и граница царства-государства их родного на горизонте показалась.

И сам Царь-батюшка стоит у ворот их поджидаячи, ему уже стражники зоркие доложили, что сыновья возвращаются.

Знамо дело, сначала Федота с Иваном, с дороги накормили, напоили, в баньке отпарили, в чистые дорогие одежды одели.

Царь Пантелеймон не может никак дожидаться – что там сыновья скажут, хорошего али худого. Повелел звать их к себе немедля.

Зашли братья в покои батюшкины.

Царь только на светящееся лицо Федота посмотрел, сразу понял – не зря съездили!

– Ну, сказывайте, сыновья мои любимые, как дорога, как страны чужеземные? Каких людей повидали? Много ли на свете добра да радости, али больше нечисти всякой?

– Ой, и не говори, батюшка, – отвечает Федот, – нечисти хватает! Сразиться пришлось за дело правое, опасности изведать!

– Страны чужеземные хоть и далеко, а люди всё равно такие же – добрые да светлые, – говорит Иван.

– А нашли ли вы яблочко молодильное, дети мои? – нетерпеливо спрашивает Царь.

– А то как же! – гордо хвастает Федот, – ценой подвигов ратных, испытаний мужественных, всё для тебя, родной батюшка!

– Нам Султан корзину яблок подарил! – добавляет Иван, – в этой корзине наверняка и молодильное есть!

– Что значит – наверняка?! – насторожился Пантелеймон, – а остальные что же – не молодильные?!

Федот на Ивана посмотрел, Иван – на Федота.

– Всякие! – отвечает Ивашка, – и молодильное тоже!

– Перемешаны все яблоки, Царь-батюшка, – виновато объясняет Федот, – не написано на них, где какое!

– А как же мы найдём его? Вот-те раз!

– Это у нас Ивашка специалист, – улыбается Федот, – он всё на зуб пробовать любит! Но у нас же слуги есть, батюшка, прикажи позвать холопов неугодных, да провинившихся – будем яблоко молодильное искать!..

* * *

Царь Пантелеймон для начала слугу своего верного Порфирия кликнул.

– Вот что Порфирьюшка, собери-ка нам челяди непослушной человек с дюжину, и сам приготовь перо да бумагу – считать и писать будем!

Пришли в палату царскую подданные, толпятся, переглядываются, и боязно им, и любопытно.

Порфирий по одному человеку к Царю подводит, яблочко из корзины вручает и смотрят они – что получится из этого. Надкусывают люди верные да преданные, а куда им деваться. Кто кривеет, кто косеет, кто нем становится, а кто слеп на оба глаза.

Федот стоит наготове, ждёт, когда молодильное яблочко о себе знать даст!

А Иван недоволен чего-то, морщится, да головой качает.

Пробовали-пробовали яблочки и всё без толку почему-то. А тут Порфирий в корзину заглянул и говорит:

– Царь-батюшка, милостивый наш – одно яблоко осталось, последнее!!!

– Ну, раз оно до сей поры не проявилось, стало быть, это оно и есть!!! – кричит Федот, – кушай сам, батюшка, нечего и сомневаться тут!

А Пантелеймона и уговаривать не надо, он уже вон сколько времени в нетерпении сидит, слюной давится. Схватил он тут же яблоко со дна корзины, о мантию вытер и надкусил.

Вот, вот уж и началось тут превращенье! Долго ждать не заставило! Сначала у Царя зубки обновились, белые стали да крупные, понятное дело – молодеет Пантелеймон! А потом что-то неправильно всё пошло: лицо вытянулось, шерстью покрылось, а из под короны уши длинные полезли.

– А-а-а-а!!! – завопил Федот, – батюшка-а-а! Прости, Христа ради!!! Это Ивашка виноват!!! Это он молодильного яблочка не прихватил! Набрал всяких ложных да вредных, а до молодильного не добрался! Эх, маловата корзина да и карманы надо было набить!!!

Царь Пантелеймон хотел было ответить Федотке, что, мол, не карманы, а морду бы тебе надо набить, а вымолвил только:

– И-а! И-а!!!

Федот упал в ноги, а вернее в копытца батюшкины и зарыдал горько.

Порфирий стоит – крестится, челядь вся поголовно в испуге крестится.

Иван тоже растерялся. Он же человек живой, имеет право. Голову опустил, носом шмыгает и осла по заливку гладит. А потом и говорит:

– Так вот оно что! Она как! Теперь-то понятно всё!

– Что тебе понятно, дурень?!!! – кричит в сердцах Федот.

– Понятно, куда яблочко молодильное сгнуло. Было оно у нас, братец, было! Да в пути мой конь на постоялом дворе одно яблочко из корзины и захомячил. Так-то вот. Жеребёночка вспомни!

– Ах, ты изверг! – ещё больше распалился Федот, – плохо коня привязываешь к коновязи! На тебе теперь вина лежит! Что хошь делай, но возвращай батюшке облик человеческий!

Ничего не ответил Иван. Молча из остатков яблок опробованных один вытащил и осла скормил. Осёл же скотина неприхотливая, он не то, что яблочный огрызок, он и горького сена клоч сжует.

Затаили все дыхание, ждут...

Глава шестая

То, что представляется нам тяжкими испытаниями, иногда на самом деле – скрытое благо.

Оскар Уайльд

– Энтю что за яблоко было? – шепчет в ужасе Федот, глядя как у осла уши куда-то пропали, и шерсть на лице исчезает.

– А какая разница? – отвечает Иван, – главное, батюшка снова человеком сделался, а каким ему быть – человек сам решает!

Федот уставился укоризненно на брата, а пока он смотрел, Царь Пантелеймон снова обличие человеческое принял.

Кто сие колдовское чародейство видел – в себя долго прийти никак не могли, только Порфирий сохранял спокойствие, будто он каждый день такое наблюдал.

Царь под страхом наказания велел всей челяди хранить молчание, даже тем, кто немым сделался, и выгнал всех.

Потом долго в себя приходил, в зеркала смотрелся, да какие-то волоски из бороды выдёргивал – боялся видно снова животиною неразумной стать.

– Оставь нас, Порфирий, – наконец сказал Царь.

Федот с Иваном сразу поняли, что будет разговор серьёзный и важный, государственного масштаба.

– Вот что, сыновья мои дорогие, слушайте новую просьбу мою! И не перечьте мне, коли покажется оно дерзким! Не отступлюсь я от своей мечты, от любви большой к принцессе Агнессе! Это последняя радость моя в жизни! Федотушка, богатырь мой славный, коли ты такой отважный и находчивый, как сказываешь, поручаю тебе ответственное дело – найти и доставить во дворец яблоко молодильное! Что хочешь делай, но чтобы энтот плод заветный был у меня в палатах!

– Добьюсь я цели сей, батюшка родимый! – торжественно клянётся Федот, – умру за тебя!

– Умирать-то не обязательно, сын мой дорогой, тебе ещё трон наследовать! – улыбается Царь и к Ивану поворачивается.

– А ты, Ивашка, попроще задание получишь, поскольку умом тебя Господь обидел: поедешь к Царю Банифацию, да устроишься к нему на службу. Будешь за принцессой приглядывать, чтоб никакие прынцы заморские ей голову не морочили. Отшивай всех подряд! Как хошь, но отшивай!

– Хорошо, батюшка, выполню я просьбу твою, – говорит Иван, – завтра же и отправлюсь.

– Вот и в добрый путь!

* * *

И пустились рано утром сыновья Царя Пантелеймона в путь-дорогу.

Федот – по проторенной дорожке в царство Султанши заморской, а Иван – в царство Царя Банифация.

Федот настороже был, он втайне от батюшки трёх слуг с собой взял: один кормить его должен был, второй – развлекать, а третий – от врагов ненавистных защищать. Мало ли какие трудности впереди. А что трудности будут – Федот уверен был. Он завсегда к ним готов, поскольку силой богатырской да умом Бог не обидел!

Больше всего Федот переживал – как он через море-окиян переберётся?! А потом решил: «корабль найму какой-нибудь али шар воздушный! Я ж упорный, я буду бороться до последнего!»

А Иван набрал в дорогу лепёшек ржаных и пошёл. Идет, песни поёт, с птицами и деревьями разговаривает. Коня решил не брать, чтобы Царь Банифаций не разоблачил его.

Шёл-шёл, да видно с пути сбился: дорога пропала куда-то, какие-то непролазные заросли появились, и солнце как назло за тучи спряталось.

– Эх, вот же никак без приключений не обойтись! – смеётся Иван, – не хватало ещё какого-нибудь чудища для полного счастья!

А оно тут как тут – чудище-то! Как будто только и ждало, что позовут его. С мыслями-то, оказывается, тоже поосмотрительнее надо быть!

Хотя чудищем его и с большой натяжкой назвать трудно. Обычное существо, только возраста непонятного, в человечьи одежды приодетое, да с обликом женским. Но по глазам видно – не человек это!

– Ты кто, красавица?! – осторожно спрашивает Иван.

– Ох, и умеешь ты к дамам подход найти, какая я ж тебе красавица?! Вот принцесса Агнесска – точно красавица! И статная, и умная, и лицом мила! Эх, жалко, если достанется какому-нибудь богатому старику!

– А звать-то тебя как? Что-то мне кажется – не человеческое имя у тебя!

– Правда твоя, Ванечка, я сущность рода человеческого, спутница любого из вас, а зовут меня Зависть!

– Вона чё! Согласен, есть ты в каждом из нас, так уж человек устроен. И во мне тоже есть, признаю это, не лукавя, поскольку живой человек я и обычный.

– Ой, а я думала, что ты отрицать будешь да упираться станешь! Ты ж царских кровей, как-никак!

– А что, цари – жители небесные что ли?! – улыбается Иван, – ничто человеческое нам не чуждо.

– А то! Вот батюшка твой, к примеру: богатства у него хватает, чего бы ему завистником быть? Здоровья у него предостаточно – молодые позавидуют! Живи и радуйся! Так нет же – всё равно зависть его гложет! То там, то сям! Сейчас он молодым принцам завидует, что на руку принцессы Агнессы претендуют, что не может быть на их месте! О-о-ой, не могу!!! – захихикала вдруг Зависть, – яблочка он молодильного захотел!.. О-о-ой, держите меня!

– Всё-то ты знаешь, Зависть, – хмыкает Иван, – зачем тебе это?

– Работа такая, Ванечка! Про Федота рассказать?

– А мне неинтересно!

– Ой, ли?! Ну, тогда про тебя расскажу!

– А чего про меня? Я знаю – грешен, завидовал. В детстве братцу завидовал, что он большой и сильный; что он матушку нашу видел и помнит, а я так и не знал её. Много ещё чему завидовал. Но потом понял, что зависть – это когда себя с другими сравниваешь. А чего себя с другими-то сравнивать? Себя с самим собой надо сравнивать и становиться лучшей версией самого себя. Как осознал это, так и зависть пропала. Вот так-то.

– Ой, какой ты, Ванечка, разумный! Я аж завидую тебе!!! А ты вот, к примеру, Федоту не завидуешь, что трон-то он унаследует, а не ты?!

– Да на здоровье! Как будет – так будет, я ко всему готов!

– Вот смотрю я на тебя, Ваня, – говорит Зависть, – и думаю: а почему тебя дураком называют?!

– Да пусть хоть горшком зовут, лишь бы в печь не сажали! – смеётся Иван.

– Ну, ладно, ступай, счастья тебе!..

– А я уже счастлив, всегда... – отвечает Иван, смотрит – а Зависти уже и след простыл. А может быть, и не было её вовсе, может, привиделось всё.

Идёт Иван Царевич дальше, заросли-то непролазные вроде и кончились, а тут новая неприятность – болото! Ох, и жуткое оно, трясинами чавкает, жабами квакает, ловушками всякими полно.

– Эка невидаль! – говорит сам себе Иван. Из лыка быстренько плоскоступы сплёл, как нянька старая учила, слегу длиннюющую выломал и пошёл, не страшась, в болото.

Глядь, а на кочке сидит кто-то. Облика человеческого, да только странное какое-то оно – существо это.

– Ты кто, девица-краса?! – спрашивает Иван.

Существо обернулось, Ивана с ног до головы оглядело и отвечает:

– Кто ж ещё в такой грязи и тине слякотной водиться будет?! Порок я человеческий, Жадностью меня кличут. Уходи отсюда, это моё болото!

А Иван смеётся:

– Понятное дело, своё-то жалко отдавать! Хоть и болото, да своё родное!

– Изгаляешься?! – ворчит Жадность, – сам-то жадностью тоже наделён, а строишь из себя святошу!

– А я разве ж спорю? – весело говорит Иван, – я же человек обычный, во мне все пороки земные есть! И жадность тоже.

– И как же ты, касатик, живёшь с этим?! – ехидно спрашивает Жадность.

– Не, я не живу с этим, – отвечает Иван, – это оно со мной живёт. А я живу и не замораживаюсь. Жадность – это ж страх? Страх! Страх быть бедным, к примеру! А по мне-то чего бояться? Я же дурак? Дурак! А дурак думками богатеет! Во как. К чему мне бедности страшиться? Хоть и Царевич я, а богатство у меня вот туточки! – и постучал по лбу себе, – что себе представлю, то и получу запросто! А сейчас спешу я, дай-ка, Жадность, мне дорогу!

– Не, не дам, жадная я!

– А вот я тебя дрыном!..

Глава седьмая

*Я люблю тебя не за то, кто ты, а за то, кто я, когда я с тобой.
Габриэль Гарсиа Маркес*

– Бывает и так получается, что всякая нечисть встречается!.. – Поёт Иван. Он из любого события хоть песню, хоть историю весёлую придумать может.

Долго ли коротко шёл он, да тут на горе и стольный град царя Банифация показался.

Иван присел на пенёк и думку стал думать. Надо же придумать – как в услужение к местному царю устроиться. Как ни крути, обманом же дело делается, а там царёвы люди не лыком шиты. Хорошо хоть, одёжка по дороге поизносилась, да обувь прохудилась – так проще на работу устроиться. А холёного, да разодетого кто возьмёт?!

– Эх, лиха беда – начало! – говорит сам себе Иван, – главное ввязаться, а там посмотрим!..

Подошёл он к воротам дворца царского и стучится.

Вышли стражники, осмотрели его с ног до головы, да пнули взащей.

Иван носом пошмыгал, макушку почесал и снова стучится.

Вышли стражники, друг с другом переглянулись и снова пнули его взащей. Только понапористей.

Иван встал, отряхнулся и снова давай стучать в ворота.

Вышли стражники, к Ивану вплотную подошли и спрашивают:

– Тебе чего надо, оборванец?!

– Да вот, на работу хочу устроиться к царю Банифацию!

Ушли стражники, посоветались и позвали вельможу какого-то царского.

– Чего надо? – ворчит вельможа, – чего такого особенного ты умеешь делать, чтобы мы тебя на работу в царский дворец взяли?! У нас все места заняты!

– Не, не все! – отвечает Иван весело, – потому что я один на всём свете таким мастерством владею!

– Каким таким ремеслом?

– Э-э-э, это я токма царю могу сказать!

– Я – Советник Царя, мне можно говорить! – важно говорит вельможа.

– Не, я же сказал – токма Царю!

– Гоните его прочь! – приказал вельможа стражникам.

– Не утруждайтесь, братцы, я сам уйду, вам силы поберечь надо!

– Это ещё зачем? – спрашивают любопытные стражники.

– Так завтра вам Советника казнить придётся!

Вельможа услышал, обернулся и кричит гневно:

– По какому такому случаю мои подчинённые меня казнить будут?! А?

– А по случаю того, что вы меня к царю Банифацию на работу не взяли! А я ж всё равно к нему доберусь! Я ж единственный этим мастерством владею!

Побежал Советник к царю и доложил про наглого голодранца, который каким-то мастерством владеет и во дворец на работу просится.

Интересно стало Банифацию: что это за мастерство такое, которым никто во дворце его не владеет?! Повелел привести к нему холопа этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.